

А.А. КУДРЯВЦЕВА

АПЕЛЛЯТИВИЗИРОВАННЫЕ ЕДИНИЦЫ, ПОПОЛНИВШИЕ СИНОНИМИЧЕСКИЙ РЯД С ДОМИНАНТОЙ «КРИТИК»

Рассматриваются синонимический ряд с доминантой «критик», значительную часть которого составляют апеллятивизированные онимы, также системные связи между членами синонимического ряда; затрагивается вопрос о фиксации данных единиц в словаре синонимов.

Ключевые слова: *Прономинация, апеллятивизация, интертекстуальность, синоним, синонимия.*

Явление апеллятивизации, то есть перехода имен собственных (онимов) в разряд имен нарицательных (апеллятивов), является достаточно частотным в русском языке. Данный переход осуществляется на основе стилистического приема прономинации – «замены нарицательного имени собственным (или наоборот), например: *Отелло* вместо *ревнивец*» [5, с. 227]. В результате перехода имен собственных в нарицательные образуются апеллятивизированные единицы, которые мы называем прономинантами (прономинант – это семантический дериват, произведенный от онима). Лексической основой стилистического приема прономинации являются имена собственные, при этом в данном качестве может выступать не всякий оним, а только прецедентное имя [8, с. 244]. В современной лингвистике использование в тексте прецедентных апеллятивизированных единиц рассматривается в качестве одного из проявлений феномена интертекстуальности [9, с. 117]. Прономинация является одним из источников синонимии в современном русском языке: вступая в синонимические отношения с апеллятивами, прономинанты образуют синонимические пары или пополняют синонимические ряды. Нами выявлено, что апеллятивизированные единицы способны выступать в качестве синонимов четырех типов: стилистических, семантико-стилистических, семантических и оценочно-стилистических [7].

Синонимы образуют синонимические ряды, или, как их еще называют, синонимические парадигмы. В лингвистической литературе синонимический ряд определяется как «группа слов, связанных синонимическими отношениями» [12, с. 10], как «группа лексических единиц, связанная на основе соответствия и противопоставленности их значений» [4, с. 5], как «исторически изменчивая, но более или менее постоянная в своих основных звеньях для данного периода жизни языка группа слов и фразеологических оборотов с предельной общностью значений, обусловленной названием одного и того же явления объективной действительности» [11, с. 99]. Идентификация синонимической парадигмы связана с понятием доминанты синонимического ряда – «семантически наиболее простым, стилистически не маркированным и синтагматически наименее закрепленным синонимом» [10, с. 229].

Проблема построения синонимического ряда связана с определением его объема и границ. Мы считаем вполне обоснованным мнение В.Н. Ключевой, которая считает, что синонимический ряд не может состоять только из слов-синонимов, отличающихся лишь оттенками значения. По ее мнению, в синонимический ряд должны включаться синонимы, отличающиеся также стилем и сферой употребления, слова архаичного характера, употребительные в художественной литературе, а также, в ограниченном количестве, слова территориальных диалектов, распространенные в широко известных литературных произведениях [6, с. 7].

Рассматривая синонимические ряды, содержащие прономинанты, мы включаем в них единицы, в различной степени освоенные языком, в том числе и семантические окказионализмы. Ученые подразделяют окказионализмы на два разряда: во-первых – собственно окказионализмы, отличающиеся тем, что «при их образовании нарушаются (обычно сознательно, в целях нарушения экспрессивности) законы построения соответствующих языковых единиц, нормы языка» [3, с. 228]; во вторых – так называемые потенциальные слова (термин Г.О. Винокура), «которые произведены, но еще не закреплены традицией словоупотребления или могут быть произведены по образцу слов высокопродуктивных

словообразовательных типов» [3, с. 218]. Пронорминанты, еще не вошедшие в систему языка, относятся к разряду потенциальных слов. Мы называем их окказиональными, используя данный термин в широком значении.

Объектом рассмотрения данной статьи является синонимический ряд с доминантой *критик*. Обращение к словарям синонимов русского языка показывает, что состав данного ряда трактуется по-разному. Наиболее обширен состав ряда (семь единиц, из которых два пронорминанта – *зоил* и *аристарх*) в словаре Н. Абрамова: «критик, рецензент, судья, ценитель, эксперт; зоил, аристарх; порицатель, хулиатель» [1, с. 66]. Четыре единицы (в том числе один пронорминант – *зоил*) даны в словаре З.Е. Александровой: «критик; зоил (*устар. книжн.*) / *несправедливый*: критикан, хулиатель (*книжн.*)» [2, с. 187]. В прочих рассмотренных нами словарях пронорминанты не включены в состав данного синонимического ряда. Однако, как показывают данные нашей картотеки, в состав ряда можно включить также апеллиативизированные единицы *Лабомель*, *Белинский* и *Латунский*.

Перейдем к подробному рассмотрению пронорминантов со значением *критик*, предварив анализ пояснением: Зоил – древнегреческий ритор и софист (4–3 вв. до н.э.), Аристарх – древнегреческий ученый (2 в. до н.э.). Оба они известны придирчивыми критическими комментариями к «Илиаде» и «Одиссее» Гомера. Л.Лабомель (1726–1773) – французский критик, высмеянный Вольтером. В.Г.Белинский (1811–1848) – основоположник русской революционно-демократической критики, Латунский – персонаж романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» (опубл. 1967), литературный критик, резко раскритиковавший роман Мастера.

Пронорминант *зоил* встречаются преимущественно в русской поэзии первой половины 19 века, например: *Пускай от зависти сердца зоилов ноют./ Вольтер! Они тебе вреда не нанесут* (Ф.И.Тютчев. Пускай от зависти...). Единичные случаи его употребления отмечены в современной публицистике, например: *Эти зоилы, эти злобные критики могут только поливать грязью гибнущее отечественное кино* (Телепередача; следует обратить внимание на тот факт, что в современной речи пронорминант потребовал пояснения для телеаудитории). Ещё один пример зафиксирован в интернет-общении. Характерно, что слово *зоил* употребил человек образованный, поэт Лев Рубинштейн в дискуссии, развернувшейся в комментариях к его статье. Оппонент сказал о поэте «он – выродок рода человеческого, для которого нет ничего святого», а поэт иронически парировал: «Ох, сильно сказано. Порадую близких и друзей. Спасибо. Как у вас, кстати, с работой кишечника? Все в порядке, надеюсь? С новым годом, мой верный зоил. Не падайте духом» (grani.ru/Culture/essay/rubinstein/172792.html, 29.12.2009).

Пронорминант *аристарх* употребляется редко. Он отмечен в русской поэзии 19 века и в публицистике того же периода, например: *У самих французов нередко раздаются странные кривые толки аристархов об их национальном поэте [Беранже]* (Н.А.Добролюбов. Песни Беранже).

Обратимся к семантике пронорминантов *зоил* и *аристарх*.

В специальной литературе нам встретилось мнение о том, что первый обозначает недоброжелательного, а второй – благожелательного критика (Д.Е.Максимов, Р.Е.Помирчий 1975, с.578). Относительно пронорминанта *зоил* данная трактовка представляется нам бесспорной. Вот примеры, подтверждающие ее: *Что ж было для тебя наградою, Торкват, /За песни стройные! Зоилов острый яд* (К.Н.Батюшков. К Тассу); *Надеясь на мое презренье, /Седой зоил меня ругал, /И, потеряв уже терпенье, /Я эпиграммой отвечал* (А.С.Пушкин. Надеясь на мое презренье...); *Хоть тысячу зоил пасквилей напиши, /Не вероломным свет хулителя признает, /Но злым завистником иль попросту глупцом* (В.А.Жуковский. Послание к кн. Вяземскому и В.Л.Пушкину).

Что касается пронорминанта *аристарх*, то примеры нашей картотеки опровергают вышеупомянутое мнение: *Теперь смешно читать нападки тогдашних аристархов на Пушкина – так они мелки, ничтожны и жалки* (В.Г.Белинский. Статьи о Пушкине); *Пусть юный наш Поэт, /Известный сочинитель, /Мой Аристарх, гонитель, /Стихи мои прочтет, /В сатиру их внесет* (В.Л.Пушкин. К Д.В.Дашкову); *Помилуй, трезвый Аристарх /Моих бахических посланий, /Не осуждай моих мечтаний /И чувства в ветреных стихах... /Но знаешь ли, о мой гонитель, /Как я беседую с тобой?*

(А.С.Пушкин. Моему Аристарху); *И тот же Скоропихин, знаете, наш исконный Аристарх, его хвалит! Это, мол, не то, что западное искусство!* Речь, судя по всему, идёт о суровом критике, т. к. чуть ранее о персонаже сообщается: *Послушать Скоропихина, всякое старое художественное произведение уж по тому самому не годится никуда, что оно старо* (И.С. Тургенев. *Новь*); *«Какой страшный Аристарх! – думал я. – Хорошо, что у нас в России нет таких грозных критиков»*. (Н.М. Карамзин. Письма русского путешественника); *Стихи Державина [...], служащие, так сказать, темой твоей статьи, не имеют, по моему мнению, никакого ясного смысла: ошибки писателя не извиняются его человеческими добродетелями; и самолюбие поэта, оскорбленное критикой, не утешится, когда он сам себе или его аристарх ему скажет: ты негодный поэт, но человек почтенный* (В.А. Жуковский. О поэте и современном его значении. Письмо к Н. В. Гоголю); *Пусть хмурит брови Аристарх журнальный: /В печальном сердце – тихо и светло; /Въезжаю в гавань, – кончен путь мой дальний...* (Д. Мережковский); *Чуковский, Аристарх прилежный, /Вы знаете – люблю давно /Я вашей злости голос нежный, /Ваши ум, веселый, как вино. /И полной сладким ядом прозы /Приметливую остроту, /И брошенные на лету /Зоилиады и занозы, /Полу-цинизм, полу-лиризм, /Очей притворчивых лукавство, /Речей сговорчивых картавость /И молодой авантюризм* (Вяч. Иванов)

Отметим, что наш вывод совпадает с данными БАСа (т.1, с.223). Таким образом, обе рассматриваемые единицы имеют значение 'суровый, недоброжелательный, беспощадный, придирчивый критик'.

Прономинанты *зоил* и *Аристарх* не имеют стилистических и семантических различий и различаются только сферой употребления (проза и поэзия). По нашему мнению, слово *зоил* более частотно именно в поэзии потому, что оно, благодаря своей краткости и благозвучности (отсутствие скоплений согласных, наличие только звонких согласных), уместнее в поэтической речи, чем слово *Аристарх*.

Прономинант *Белинский* зафиксирован в текстах XX–XXI вв. и функционирует в прозе. Приведём примеры. Данная единица встречается в мемуарах: *Тогда все ждали прихода Пушкина. Считалось, что освобожденная духовная энергия народа немедленно родит Пушкина или Рафаэля. Сжигать Рафаэля и сбрасывать Пушкина с парохода современности в двадцатых годах уже не собирались, а жадно и всерьез ждали прихода гения, с надеждой вглядываясь в каждую новую фигуру на литературном горизонте. Пушкин не появлялся. Этому находили объяснения: дескать, «время трудновато для пера», и современные Пушкины работают в экономике, в политике, что Белинский нашего времени не писал бы критических статей о литературе, а, подобно Воровскому, был бы дипломатом* (В. Шаламов. Двадцатые годы). В примере не наблюдается семантических различий с доминантой. *А вот представьте себе маленькую книжонку стихотворений, изданную в каком-нибудь райцентре, и в ней без подписи «Жди меня», неужели какой-нибудь Белинский, прочтя это «Жди меня», воскликнет, что он открыл настоящего поэта?* (Т. Окуневская. Татьяна день; ср.: какой-нибудь критик, прочтя это «Жди меня», воскликнет, что он открыл настоящего поэта?)

Также прономинант *Белинский* встретился в художественной речи: *– Вы когда-нибудь научитесь писать стихи? – Пиши сам, -- сказал я сердито. – Я писать стихи не могу, – сказал Корнеев. – По натуре я не Пушкин. Я по натуре Белинский. – Ты по натуре кадавр, – сказала Стелла. – Пардон! – потребовал Витька. – Я желаю, чтобы в газете был отдел литературной критики. Я хочу писать критические статьи. Я вас всех раздолбаю!* (А. и Б. Стругацкие. Понедельник начинается в субботу; ср.: я по натуре не поэт, я по натуре критик).

Встречается анализируемая единица и в современной публицистике: *Сто пятьдесят лет назад в Англии не нашлось своего Белинского, который назвал бы роман «Джейн Эйр» энциклопедией английской жизни* (Телепередача); семантических различий с доминантой не выявлено (ср.: *В Англии не нашлось критика*).

Отметим также случай, не являющийся прономинацией, однако указывающий на то, что фамилия *Белинский* стала нарицательной. Поэт Саша Черный назвал стихотворение, посвященное Корнею Чуковскому, известному литературному критику, «Корней Белинский»: *Post scriptum. Иногда Корней Бе-*

линский / Сечет господ, цена которым грош! / Тогда гремит в нем гений исполинский / И тогой с плеч спадает макинтош!..

Анализ приведённых примеров позволяет сделать вывод о том, что данный прономинант отличается от доминанты лишь стилистически.

Окказиональный прономинант *Латунский* встретился нам в интернет-общении: *Я Латунский. В Сообществе Анонимных Графоманов меня официально приняли в свежесозданную Гильдию Критиков и повесили мне в профиль красивую табличку «Критик»* (пользователь sestra-milo, 20.01.2011). В данном примере у прономинанта не наблюдается семантических различий со словом *критик*; слово *Латунский* отличается от доминанты лишь стилистически.

Окказиональный прономинант *Лабомель* встретился нам в стихотворении В.Л. Пушкина «А.С.Пушкину». *Московским Лабомелем* поэт назвал Н.А. Полевого, критика, который обвинял А.С. Пушкина в подражании литературным предшественникам. В стихотворении, обращенном к своему гениальному племяннику, поэт писал: *Пусть бесится, ворчит московский Лабомель: / Не оставляй свою прелестную свирель! / Пустые критики достоинств не умалят; / Жуковский, Дмитриев тебя и чтут, и хвалят...* Подчеркнутые слова помогают выявить семантику прономинанта *Лабомель* – ‘недоброжелательный критик’. Таким образом, данный прономинант отличается от доминанты *критик* стилистически и семантически.

Произведённый анализ позволяет, как нам представляется, расширить состав синонимического ряда с доминантой *критик* и включить в него следующие апеллативизированные единицы: *зоил, аристарх, Лабомель, Белинский* и *Латунский*.

Литература

1. Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. 7-е изд., стереотип. Москва: Русские словари, 1999.
2. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник: Ок. 11 000 синоним. рядов. 11-е изд., перераб. и доп. М.: Русский язык, 2001.
3. Земская Е.А. Современный русский язык: Словообразование. М.: Просвещение, 1973.
4. Карпова К.И. Семантические взаимоотношения синонимов одного ряда: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Рига, 1962.
5. Квятковский А. П. Поэтический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1966.
6. Ключева В.Н. О синонимах и синонимическом словаре // Краткий словарь синонимов русского языка. М.: Учпедгиз, 1961.
7. Кудрявцева А.А. Синонимический потенциал апеллативизированных единиц // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2013. № 1. С. 40–45.
8. Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи: Тропы и фигуры. Общая и частные классификации. Терминологический словарь. М.: ЛЕНАНД, 2006.
9. Москвин В. П. Интертекстуальность: Понятийный аппарат. Фигур, жанры, стили: монография. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011.
10. Новиков Л.А. Семантика русского языка. М.: Высшая школа, 1982.
11. Палевская М.Ф. Синонимы в русском языке. М.: Наука, 1964.
12. Сиротина В.А. Лексическая синонимика в русском языке. Львов: Изд-во Львовского ун-та, 1960.
13. Словарь современного русского литературного языка в 17-ти т.т. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965. (БАС)

Appellative units included into the synonymic row with the dominant “critic”

There is regarded the synonymic row with the dominant “critic”, which considerable part is represented by appellative onyms. There are also considered the systemic references between the units of the synonymic row; covered the issue of fixation of these units in the dictionary of synonyms.

Key words: *pronomination, appellativization, intertextuality, synonym, synonymy.*